

Социальные реалии вчера и сегодня

© 1993 г.

Дж. А. ВИЛЛЬЯМС

ВЗГЛЯД АМЕРИКАНЦА НА РОССИЙСКУЮ СИТУАЦИЮ: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

ВИЛЛЬЯМС ДЖОН АЛЛЕН — доктор философии, председатель отделения политических наук Университета Лойолы в Чикаго. Вице-председатель и исполнительный директор междууниверситетского семинара по проблемам Вооруженных сил и Общества, Председатель секции Международной безопасности и контроля над вооруженными силами Американской Ассоциации Политических наук. В нашем журнале публикуется впервые.

Введение

Марк Твен однажды сказал, что труднее всего в жизни совершить следующие три вещи: взобраться на стоящую перед тобой гору, поцеловать уходящую от тебя женщину и поучать людей тому, в чем они разбираются гораздо лучше тебя самого. Поэтому я не собираюсь наставлять читателей этого журнала и открывать им глаза на то, чего они будто бы не знают о своей собственной стране. Моя задача гораздо скромнее: я надеюсь, что им будет небезынтересна точка зрения человека, который издавна, но пристально и в течение долгого времени изучал их Отечество. Возможно, что в таком подходе нет ничего нового; но сам я с большим вниманием и всегда слушал все, что другие говорили о Соединенных Штатах.

Несомненно, иностранцу трудно что-либо понять в жизни другой страны, особенно, если он не знает языка да к тому же и редко в ней бывал. Еще труднее убедить искушенную публику этой страны в серьезности намерений заморского исследователя — независимо от его почтения. Более того, препятствий становится еще больше, если эта и без того очень сложная, загадочная страна, находится в состоянии политических и экономических перемен, конца которым не видно.

В этом случае всякому стороннему наблюдателю должна приличествовать известная доля скромности — если он действительно желает быть услышанным. Что касается меня, то я попытаюсь не поддаваться легкомысленному искушению и не буду вдалбливать читателям свои рецепты (какими бы интересными они ни представлялись) о том, как им надо жить. В этом нет никакой нужды. В то же время каждый может меня спросить о моем образе мыслей о рассматриваемом предмете. Я хотел бы, чтобы о моих взглядах судили после того, как я выражу их с наивозможнейшей ясностью и полнотой — даже если это вызовет недоверчивость, раздражение, а может, и гнев. Свободный обмен идеями не всегда бывает гладким.

У меня есть два оправдания появлению в журнале этой статьи: во-первых, приглашение к сотрудничеству главного редактора (отсюда — насущность ранее высказанных отступлений); во-вторых, события в России затрагивают не только русских, они касаются всех. Россия по-прежнему остается великой державой — это огромная страна, обладающая большими материальными и духовными возможностями; все, что в ней происходит неизбежно влияет и на остальную часть планеты. Как ученый, долгое время изучавший ваши проблемы, и как военный специалист,

слишком хорошо представляющий себе опасности военного противостояния, я внимательно слежу за развитием событий в России, Перемены в отношениях между вашей и моей странами во многом зависят от того, что сами русские граждане думают по поводу своих насущных неурядиц, а также по поводу тех отношений, которые они хотели бы иметь с Америкой. Ради наших детей я вместе со всеми, стремящимися к согласию и обладающими доброй волей американцами и русскими призываю к тому, чтобы наши взаимоотношения были дружескими.

Общие заметки

Очень просто считать, что и у русских, и у американцев сложились друг о друге совершенно определенные представления. Созревшие на протяжении долгой идеологической борьбы, эти мнения были чаще всего взаимовраждебными. Однако несмотря на весь свой антикоммунизм, большинство американцев на самом деле никогда не испытывали к русским людям неприязни. Фактически мы всегда смотрели на русских как на величайших заложников коммунизма. Именно поэтому многие из нас соглашались с президентом Рейганом, когда он называл Советский Союз «империей зла», но мы никогда не думали, что сами советские люди злы по своей природе (если не считать, конечно, таковыми большинство их руководителей). Были, конечно же, некоторые опасения; я хорошо помню, как в 1950-х, будучи еще ребенком, гостил у родственников в Омахе — в этом «логове» командования стратегических воздушных сил. Я долго не мог заснуть от мысли, что нахожусь под наблюдением «недреманного ока» Советских Воздушных Сил. На самом деле, во время моего последнего посещения Москвы, которое состоялось прошлой осенью, мне показалось, что в первый раз за мной никакое «недреманное око» не смотрело. Хотя, быть может, обратная дорога домой и была под ракетным прицелом.

Многие русские раньше смотрели на американцев (да и сейчас, пожалуй, смотрят так же) как на эдаких заносчивых деляг, всячески обдeldывающих свои делишки перед тем, как дать бескорыстный совет остальной части человечества. Эти превратные мнения об американцах не новы и свойственны даже тем, кто относится к нам дружески. Во время мировой войны французский премьер Жорж Клемансо как-то сказал: «Америка? Это — нечто, движущееся от дикости к цивилизации, но в обход культуры». Во время мировой войны один англичанин заявил, что с американцами три загвоздки: «им платят слишком много, они слишком похотливы, и их здесь слишком много».

Но со словом «русский», по крайней мере в том, как его противопоставляют слову «американец» — тоже конфуз. Под «русских» подпадают как граждане России, так и природные русские, проживающие, как известно, по всему миру. Это непривычно для американца, который под понятием «американец» подразумевает прежде всего гражданина Соединенных Штатов Америки, независимо от его расовой принадлежности, и очень часто не считает таковым жителя Канады или Южной Америки. Соответственно, мы очень часто используем слово «русские», когда говорим о гражданах Советского Союза. Я вспоминаю, что когда великий бегун Валерий Борзов услышал от американского тележурналиста вопрос о том, как себя чувствует лучший русский спринтер, то он к вящему замешательству американца вежливо ответил: «Но я не русский, я украинец». Подобные проколы случались благодаря неправильному пониманию всех сложностей этнического строения Советского Союза и, по схожей причине, России, а также потому, что ключевым здесь служило собственное понимание слова «американец».

Сейчас же картина, конечно же, еще более осложнилась. Свободное перемещение граждан и идей смело старые представления, и нам теперь остается только удивляться их живучести. Теперь, когда из России и других стран бывшего Советского Союза поступает все больше новостей (например, показ раз в неделю по кабельному телевидению I программы из Москвы компанией Си-СПЭН), старым предрассудкам уже просто не может быть никакого оправдания. Сходным образом, что тоже очень важно, американцы уже не считают, что если перед ними выступает русский

комментатор или ученый, то он обязательно поет с голоса правительства, но не выражает собственное мнение. А результат таков: международное влияние России будет все более увеличиваться по мере того, как ее граждане (впервые!) будут серьезно восприниматься как личности.

Что дальше?

Для американцев, привыкших мыслить с мессианских позиций превосходства их политических и экономических институтов над любыми другими, все случившееся представляется крушением, причем заранее ожидаемым, изначально несостоятельной политико-экономической системы. Должен сознаться, что тут я целиком присоединяюсь к единодушному мнению своих соотечественников. Если у марксизма в принципе и есть какие-то привлекательные черты, то на деле их непродуктивность (если не сказать больше) не подлежит сомнению. Если бы надо было вкратце выразить экспертную оценку ленинизма (не говоря уже о сталинизме), то это можно было бы сделать так: основанная на этом учении система станет каторжным поселением для ее граждан. Я не спрашиваю, все ли читатели разделяют такое мнение; важно, чтобы они поняли, что оно сейчас общепринято. Это не означает, что безудержная игра рыночных стихий неминуемо приводит к благополучию; очень немногие из американцев разделяют подобное мнение. Однако вот в чем они действительно убеждены: рынок — это лучшее место, куда надо вкладывать средства, и воздействовать на него надо очень осторожно и только из самых благих побуждений.

С геостратегической точки зрения, мы наблюдаем развал двух, а может быть, и трех империй. И происходит это в обратном их возникновению порядке. Крушение Советской империи в Восточной Европе образца после второй мировой войны стало очевидным вслед за падением Берлинской стены в 1989 г. Крушение имевшей более глубокие корни Российской империи состоялось во время неудачного путча в августе 1991 г., а сам Советский Союз распался еще до этого события. (СНГ — это, конечно же, временное соглашение, которое долго не протянет, более похоже на «бракоразводный процесс» между бывшими советскими республиками по поводу раздела имущества. Единственно, чему, по моему представлению, СНГ и может послужить, так это созданию основ для утверждения свободной торговли между независимыми государствами¹. Третья империя — это так называемое «Московское княжество», поскольку сама Россия сейчас испытывает сильное воздействие центральных сил. Мой прогноз таков: Россия останется в более или менее неизменном состоянии — если принимать в расчет возможность особого статуса Курил, Калининграда и Крыма. Существенных территориальных потерь не будет до тех пор, пока центральное правительство останется сильным настолько, чтобы получить за это что-то ценное взамен и обеспечить русским людям порядок. Вероятно как долгожданное благополучие (в наступление которого, хотя и не очень скорое, я верю), так и утверждение еще более самовластной системы (эта вероятность может осуществиться гораздо раньше).

В военном отношении Россия остается одной из тех немногих стран, которая способна уничтожить Соединенные Штаты за один вечер. К счастью, сейчас причины для возникновения реальной ядерной войны во многом устранены. А вот будущее обычных Вооруженных Сил России неясно. В бывшем СССР сейчас слишком много вооруженных столкновений, и в отдельных из них участвуют сами русские. Поэтому русские интересы в течение некоторого времени вряд ли будут устремлены за пределы России. Выдвижение войск на передние рубежи — занятие довольно дорогое, тем более дорого и потому затруднительно делать это против искушенного в военном деле противника. Тем не менее, я был бы очень удивлен, если бы Россия не внесла (несмотря на все нынешние затруднения) какие-то улучшения в свою военную политику — я имею в виду развертывание военно-воздушных, морских и обычных мотострелковых сил. Куда будут направлены эти силы — сказать трудно, но нетрудно представить себе такое положение, при котором ситуация на границах России или в странах третьего мира потребует защиты русских национальных интересов.

Все это, разумеется, не означает, что России и Америке следует снова ссориться, просто надо учесть, что интересы великих держав всегда будут в чем-то различаться. Даже среди самых задушевных друзей бывают какие-то разногласия. Это надо учитывать и относиться как к нормальному явлению, т. е. точно так же, как и к разного рода разночтениям, периодически возникающим между США и Японией, или США и Францией. Однако достижением сейчас является уже то, что Россия в данный момент ни с кем не воюет, как впрочем, никто сейчас не воюет с Россией. И это следует отметить, хотя какие-то проявления враждебности так просто и быстро не исчезают.

Что касается экономики, то тут я бы не отважился давать скоропалительные оценки и говорить о возможных будущих улучшениях и т.д. Конечно же, неопределенность не может продолжаться постоянно. Люди не могут все время испытывать невзгоды — им необходимо думать о своем будущем и будущем своих детей. Во всем мире родители одинаковы — у них всегда болит сердце о детях, и если экономическая система не оправдывает подобных надежд, никто ей за это признательным не будет. И подобно американцам, русские обеспокоены тем, как будут жить их внуки.

Если же говорить о внешнеполитических вопросах, то здесь позиции России по всей видимости будут только укрепляться. Я уже говорил о том, что русских дипломатов сейчас расценивают все более серьезным образом; голая военная сила в современных международных отношениях более не котируется. Роль России во время «войны в заливе» была в общем оценена как благоприятная, а последняя инспекция ООН в Ираке проводилась под начальством русского представителя. Сложившееся исторически военное отношение России к Кавказу не может не привести к тому, что у нее будут какие-то проблемы с Турцией и Ираком, однако географическое положение и все предшествующие события дают ей ряд преимуществ. Западным странам по-прежнему удобно рассматривать Россию как своего рода посредника с этими регионами, и она от этого только выиграет.

В целом же есть все основания судить о происходящем с достаточной долей оптимизма. Произошедшие перемены в большинстве случаев сопряжены с мирным решением возникающих осложнений. Налицо существенное сокращение русских и американских вооружений, хотя и не такое быстрое как бы хотелось (на то есть свои причины — как материального, так и идеологического порядка). Нельзя не заметить усиления взаимного доверия в политической и военной областях. Все это происходит по мере того, как экономические и политические перемены становятся все более необратимыми. Проще говоря, демократические страны редко воюют между собой, а у США и России сейчас нет таких несогласий, из-за которых в любом случае следовало бы обнажать оружие. (Если же, конечно, президент Ельцин не потребует возвращения Аляски.)

О чем надлежит беспокоиться

Есть, однако, и ряд заслуживающих пристального внимания вопросов, о решении которых надо беспокоиться. Это я хочу отметить даже с риском отпугнуть читателя. Остановлюсь на ряде этих вопросов.

В политическом отношении комбинация сверх национализма и этнических общностей чрезвычайно неустойчива, особенно, если принимать в расчет происходящую на окраинах дерусификацию. Этнические конфликты, происходящие внутри России или же за ее пределами затрудняют проявление общегражданских интересов, снижают уровень взаимного доверия, а без этого демократические преобразования сталкиваются с весьма существенными трудностями. Советское правительство на протяжении долгих лет делало со своими гражданами такое, что многие грехи отцов еще долгое время будут отзываться на судьбе их русских сыновей и последним придется расплачиваться за то, в чем они не виноваты. Конечно же, если украинцы станут пенять коммунистам, а не русским за голод коллективизации и насилие ежовщины, то нападки по национальному признаку окажутся минимальными. Но никто

не может поручиться в этом с достаточной степенью уверенности — превратные мнения могут быть самыми разными.

По большому счету я крайне обеспокоен тем, что в России очень слабы исторические предпосылки для развития демократических институтов. Можно спорить о том, что при Николае II страна двигалась к промышленному расцвету и всеобщему благополучию, но нельзя не видеть, что реальных демократических преобразований было очень мало. Чтобы демократия была эффективной, необходимо следующее: чтобы всякого рода издержки были минимальными, а тот, кто проигрывает на выборах, не опасался всякого рода гонений. Вот почему неудачники на выборах в США с готовностью, хотя и без всякой радости готовы оказывать услуги своим счастливым преемникам. В тот момент, когда я пишу эту статью неясно, кто победит на президентских выборах в США (3 ноября 1992 г. победил Б. Клинтон — Прим. перев.), но ясно одно — если президентом станет губернатор Клинтон, то администрация Буша предоставит в его распоряжение своего рода «переходную команду», которая поможет новому руководителю постепенно освоиться с президентской властью, а сама партия республиканцев будет готовиться к очередным выборам 1996 г. В какой степени в России обладают сходными качествами — судить читателям, но мне представляется, что здесь с большим, чем в Америке удобством чувствуют себя при сильном руководстве сверху (эту ситуацию прекрасно отражает фраза: «Хорошо иметь сильного помещика»)².

Значимой политической проблемой является и то, что старая коммунистическая элита продолжает оказывать сильное влияние. В каждом обществе есть свои элиты в силу преобладающего в нем политического, экономического или социального устройства. По мере изменения последнего происходит смена элит, если они не приравниваются или не меняют ход событий (более или менее) по своему усмотрению. Было бы очень странно, если бы бывшая номенклатура всего этого не понимала. О том, насколько бывшие коммунисты остаются у власти — лучше судить не мне, а читателям. Но вот, что важно — у старой элиты всегда есть преимущества в борьбе за место под солнцем. Это помогает ей лучше приспособиться к новым обстоятельствам и остаться у власти. Несмотря на перемены у этих людей нет никакого милосердия. Их даже с натяжкой нельзя заподозрить в любви к демократии³.

В экономическом плане есть реальные опасения, что реформа потерпит неудачу или же будет существенно урезана до того, как начнет приносить какие-то плоды. Переход от командной экономики к рыночной — дело трудное даже при самом лучшем стечении обстоятельств, а мировые экономические проблемы усложняют положение вещей. Но не думаю, что русские читатели будут проливать по этому поводу горячие слезы — даже благополучные американцы ощущают сейчас себя несчастнее, чем кто бы то ни было, а просвета впереди все еще не видно. Конечно же в сутолоке революционных преобразований всегда возможна «термидорианская реакция» на экономическую свободу. Признаки подобной реакции очевидны со стороны прежней коммунистической элиты и колхозно-промышленного директорского корпуса. Даже экономические успехи чреваты определенными осложнениями: когда предпринимательской «жилке» некоторых русских будет способствовать удача, станет очевидным огромный разброс в благосостоянии, и я не уверен, что большинство менее удачливых ваших сограждан будет готово к тому, чтобы примириться с подобным течением обстоятельств.

В этническом отношении Россия — это многонациональное общество. От того, как устроится идея общего Отечества среди многочисленных народов России зависит ее будущее. Если смотреть на эту проблему с американской, т. е. индивидуалистической точки зрения, то здесь возможна все более увеличивающаяся трибализация. Различные группы должны самоопределиваться, даже в рамках того целого, в состав которого они входят как составные части. В США опасность сепаратизма смягчается тем, что этнические меньшинства как бы распылены по территории страны (кроме всего прочего), но в России в силу компактного проживания многих народностей все обстоит совершенно иначе⁴. Вопрос сейчас вот в чем: какое общее

мировоззрение способно в нынешних условиях объединить разные народности в одно целое, если учитывать, что коммунизм ушел в прошлое как своего рода центростремительное начало, а его идеи более не пользуются всеобщим успехом?

Многие природные русские живут за пределами России и подчас испытывают притеснение (если не хуже). Таким образом русские не всегда являются полноправными гражданами, скажем, в прибалтийских странах, а на левом берегу Днестра в Молдове они просто живут в условиях гражданской войны. И для русской диаспоры мало утешения в том объяснении, что это своего рода дань за попытку Сталина русифицировать весь Советский Союз, и сейчас, мол, идет обратная реакция. Ничто не может так помешать благотворным изменениям, как подобные события, и я с пониманием отношусь в этой связи к деятельности 14-й армии в Приднестровье.

К тому же Россия окружена ныне государствами, в которых буквально полыхает огонь национальных противостояний, а некоторые из них, к несчастью, могут иметь и международные последствия. Американцы с ужасом смотрят как армяне воюют с азербайджанцами из-за Нагорного Карабаха, северные и южные осетины сражаются (с кем?) за воссоединение, абхазцы ведут боевые действия с грузинами. В Таджикистане, пока я пишу эти строки, тоже неспокойно. Похоже, что половина новостей первой программы посвящена этим конфликтам, и каждый день я слышу о все новых раздорах между этническими группами, о которых ранее не имел никакого понятия.

В военном отношении, быть может, самой большой проблемой является то, что ядерная технология, похоже, и даже сами ядерные бомбы — выходят из-под контроля и как бы «разбегаются», а ученые-ядерщики уезжают на заработки в страны третьего мира. Это — опасная тенденция как для России, так и для Соединенных Штатов. Что касается проблемы уничтожения излишних ядерных запасов, то это лучше делать вместе.

Я не тревожусь о том, как будет использовать свой ядерный арсенал Россия или какая-нибудь другая, обладающая атомным оружием, бывшая республика СССР, хотя в принципе, чем меньше ядерных государств, тем лучше. Что касается других средств массового уничтожения, то у американцев есть косвенные сведения о том, что русские руководители не были слишком чистосердечны, когда говорили о своих запасах биохимического оружия и о тех мерах, которые они предпринимали в этой области. Есть и другие проблемы, которые, впрочем, не имеют к американцам прямого отношения. Например: повсеместное (в рамках бывшего Союза) проживание природных русских также внесет свою долю в усложнение ситуации, и Россия может столкнуться с необходимостью защиты их интересов (интервенцией), если их будут бесцеремонно где-либо ущемлять.

К несчастью, я совершенно не доверяю высказываниям официальных представителей вооруженных сил или разведки России о том, что они — вне политики. И это не зависит от того, касаются ли высказывания позиции руководства или речь идет непосредственно о каких-либо вмешательствах. Местные проблемы или проще говоря — мятежи могут быстро превратиться в проблемы национальные, поскольку степень опасности — вещь умозрительная и часто служит всего-навсего прикрытием для дворцовых переворотов. Нельзя не сказать и о быстром выводе войск из ряда регионов, который проводит Россия, поскольку она более не в состоянии содержать столько солдат. Но и здесь сложности — у бывших воинов возникают свои проблемы с жильем и работой. Нельзя сбрасывать со счетов и так называемую проблему «полевых командиров». Поэтому нужно всячески усиливать в военной среде легитимное отношение к гражданским властям. В этом — залог предсказуемости поведения военных. Тем более, что КПСС, которая раньше занималась подобными вещами, уже не существует⁵. Не всем военным это, вероятно по нраву, но демократия не может зависеть от прихотей преторианцев.

Пожелания на будущее

Хотя я зарекаюсь от каких-либо советов о том, как в России следует устраивать ее внутренние дела, тем не менее, что касается других проблем, то тут у меня есть некоторые предложения.

Прежде всего следует расширять области сотрудничества и взаимодействия: в экономике, науке, обороне. Цель всего этого такая: надо так взаимоотношивать наши дела, чтобы новый всплеск милитаризма в русско-американских отношениях стал просто невыгоден и потому невозможен. Это не такая недостижимая цель: мирные навыки уже начинают замещать агрессивные наклонности.

Нашим руководителям следует воздерживаться от поиска односторонних преимуществ. Сейчас главное не кто «выиграл» «холодную» войну, а кто больше преуспел в миротворческой деятельности. А это дело двустороннее. В этой связи очень важно найти достойное применение силам экс-советских ученых, инженеров и техников, чтобы свести на нет вероятность их переманивания в те страны, которые хотели бы задешево улучшить свое вооружение. Соответственно следует подыскать полезную и хорошо оплачиваемую работу для тех офицеров и вольнонаемных, кому скоро предстоит увольнение. Экономика, которой необходим их труд, еще недостаточно окрепла. Взаимные сокращения вооруженных сил в двух странах невозможны без сотрудничества, которое прежде всего предполагает и даже обусловлено отказом сторон от нарушения мира в международных отношениях.

Г.Уэллс как-то написал, что цивилизация — это борьба между образованностью и катастрофой. «Холодная» война закончилась — так давайте надеяться, что образованность взяла верх. Можно с равной степенью вероятности говорить о нашем будущем, имея в виду дружбу или же вражду. Так давайте же сделаем так, чтобы сбылись именно первого рода предсказания.

Так какие же надежды я связываю с вашей страной? Я уверен, что большинство американцев единодушны со мной в пожеланиях счастья и благополучия России и ее гражданам. Мы желаем вам мирного с нами будущего, согласия со всем миром и с самими собой. Весь мир неизмеримо обязан величайшим открытиям сынов России в искусстве, литературе, музыке и науке и так должно быть всегда — несмотря ни на какие политические различия или вооруженные противостояния. Что до меня, то я надеюсь, что во время следующего посещения вашей страны мои друзья и их семьи будут значительно более счастливы и безопасны, кроме того, я обязательно смогу купить билет на концерт, где будет звучать музыка Шостаковича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это предполагает, что страны, которые добьются в этом деле наибольших успехов (вероятнее, это будет Россия, как самая сильная страна), не станут наживаться за счет слабейших.

² Этими сведениями я обязан моему коллеге О.Дж. Мак Канну.

³ Обратим внимание на те огромные усилия, которые предприняли большевики, чтобы доказать, что старый режим был окончательно уничтожен в 1917 г. Это было очень жестоко, но к чему привело? К тому, что было доказано: коммунизму надо почить без всякой посторонней помощи после всех своих свершений, и смены в лице «старой гвардии» ждать неоткуда.

⁴ Элвин З. Рубинштейн однажды охарактеризовал нацию как «группу людей, объединенных общими превратными представлениями о собственных началах, а также общей неприязнью к своим соседям».

Я не могу, несмотря на все мое стремление не делать этого, не высказать столь важного в политическом отношении положения.

*Перевод с английского
В.И. ШАМШУРИНА*